

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

С момента первого издания в США летом 2008 г. книга «Зачем убили Джона Кеннеди: Правда, которую важно знать» стала не только классикой жанра. Джеймс Дуглас написал книгу об убийстве Кеннеди, но не просто рассказал, как было совершено преступление, а постарался найти ответ на вопрос «почему?». Автор словно последовал совету мистера Икс из его фильма «Джон Кеннеди: выстрелы в Далласе»: «Все же главный вопрос заключается в том, почему, не правда ли? Как это было сделано — не более чем декорации».

С этой точки зрения данная книга просто уникальна. К 2008 г. в свет вышло более тысячи книг об убийстве Кеннеди, но ни одна из них не похожа по своей структуре на книгу Дугласа. Другими словами, это не обычная экспертно-криминалистическая детективная история: сколько выстрелов было сделано, какие раны получил Кеннеди, где был Освальд во время стрельбы и т. п. Этому посвящена лишь часть книги, а основное внимание уделено размышлениям о том, каким был президент Кеннеди и почему полицейское государство решило его устранить. Дуглас взял эту ноту с самого начала повествования, когда он рассказывает, как президенту Трумэну, возвращавшемуся с Потсдамской конференции на крейсере *Augusta*, сообщили об уничтожении Хиросимы, и тот пришел в неописуемый восторг от этой новости. Автор противопоставляет этому кропотливую тяжелую работу, которую Кеннеди и Никита Хрущев провели во время Карибского кризиса, стремясь любой ценой избежать применения ядерного оружия. Там же он отмечает, что спустя всего год Кеннеди был убит. Следует добавить также, что спустя год после гибели Кеннеди Никита Хрущев, который никогда не верил в причастность Освальда к убийству, лишился своих государственных постов.

Вот почему тема совместных действий Хрущева и Кеннеди является одной из ключевых в книге. Одна из множества «скрытых жемчужин» труда Дугласа — это использование автором почти забытой переписки между Кеннеди, Хрущевым и папой римским Иоанном XXIII, организованной с подачи Кеннеди редактором *Saturday Review* Норманом Казинсом. Эта частная переписка — первая попытка разрядки между сверхдержавами — стала началом пути, ведущего, по мнению Дугласа, к такой важной вехе в истории холодной войны, как выступление Кеннеди на церемонии вручения дипломов в Американском университете 10 июня 1963 г. Ни одному американскому президенту ни до, ни после не удавалось добиться подобного ярким призывом к общественности, опираясь на всеобщую заинтересованность народов мира в ослаблении международной напряженности. Но, как отмечает Дуглас, речь Кеннеди была лучше встречена в России, чем в Соединенных Штатах. Хрущев очень обрадовался тем настроениям, которые сквозили в этом выступлении. Похоже, это была одна из причин, по которым, как показывают недавно рассекреченные документы, он не верил в официальную версию смерти Кеннеди.

Но есть и другая причина для скептицизма Хрущева. И Джим Дуглас говорит о ней на заключительных страницах книги. Уильям Уолтон, друг Джона Кеннеди, собирался посетить Россию после возвращения президента США из Далласа в ноябре 1963 г. Несмотря на случившееся, эта поездка все же состоялась, но уже с посланием от Роберта Кеннеди и от Жаклин Кеннеди, вдовы убитого президента. Они оба чувствовали, что убийство было результатом заговора правых. Стоявший на страже интересов крупного бизнеса президент Джонсон был не в состоянии реализовать планы Кеннеди и Хрущева по разрядке международной напряженности. Это означало, что Роберт Кеннеди должен был оставить пост

генерального прокурора, победить в гонке и стать на предстоящих выборах кандидатом в президенты и потом новым хозяином Белого дома. Тогда у планов Кеннеди и Хрущева было бы будущее.

Но не только рассказ о проектах Джона Кеннеди по решению «русского вопроса» в холодной войне делает эту книгу столь ценной. Джим Дуглас также анализирует действия президента Кеннеди во Вьетнаме, на Кубе, в Конго и Индонезии за время его трехлетнего правления. Вполне может оказаться, что Дуглас представил наилучший в литературе общий анализ политики, проводимой Кеннеди в отношении Вьетнама и Кубы. Используя рассекреченные документы, он показывает, что на момент гибели Кеннеди занимался планированием вывода войск из Вьетнама. Автор книги также пишет о попытке президента в 1963 г. восстановить отношения с Фиделем Кастро и Кубой. В противоположность ЦРУ Кеннеди был готов поддержать лидеров, придерживавшихся нейтралитета по отношению к политическим и военным блокам, таких как Сукарно в Индонезии и Патрис Лумумба в Конго.

Политика, проводимая Кеннеди по отношению ко всем этим странам, не нашла поддержки у последующих президентов США — Линдона Джонсона и Ричарда Никсона. Как итог, сегодня внешняя политика Кеннеди практически не ощущается в Америке. Это большая потеря не только для самой Америки, но и для всего мира. И это безусловный триумф книги «Зачем убили Джона Кеннеди: Правда, которую важно знать». Она показывает нам, чего смог достичь Кеннеди за время своего неполного срока пребывания на посту президента. Книга рассказывает о политических возможностях, открывающихся перед государственным деятелем, у которого есть видение того, каким мир может быть. Дуглас говорит, что, без сомнения, мир сегодня выглядел бы иначе, если бы президент Кеннеди остался жив. И это заставляет

нас помнить его достижения как лучший пример того, чего можно достичь, когда у лидеров есть определенная цель.

С этой точки зрения книга «Зачем убили Джона Кеннеди: Правда, которую важно знать» для нас сродни «Завещанию надежды» Мартина Лютера Кинга.

Оливер Стоун

ОТ АВТОРА

У нас есть все шансы узнать правду об убийстве президента Джона Кеннеди. И эта правда может принести нам успокоение.

Это стало возможным благодаря материалам первых следователей, работавших по делу об убийстве Кеннеди, показаниям большого числа свидетелей, а также тому огромному объему рассекреченных документов, собранных и опубликованных национальными архивами США в соответствии с Законом о сборе документов об убийстве Дж. Кеннеди 1992 г. (JFK Assassination Records Collection Act of 1992). Речь идет не только о деталях заговора, в существовании которого уверено большинство американцев, или о том, что произошло в Далласе. Намного важнее новых подробностей преступления то, что мы можем узнать историческую подоплеку убийства — почему убили Кеннеди. Мы можем, наконец, узнать правду. Эта книга призвана объяснить, почему был застрелен 35-й американский президент.

Я постарался выстроить свой рассказ как хронологически, так и тематически, шаг за шагом прорываясь сквозь огромный массив разного рода свидетельств. Если коротко, то эта книга о том, как Джон Кеннеди в самый разгар холодной войны от имени американского народа вознамерился совершить величайшее преступление за всю историю — развязать ядерную войну.

Прежде чем это стало достоянием общественности, он решил заключить мир со своим (и нашим) врагом, который был в шаге от подобного же преступления.

А потом Кеннеди убили за этот мир с врагом. Мы сможем исследовать эту чудовищную реальность, выдвинуть определенные предположения, понять, насколько они реалистичны,

и поразмышлять на эту тему. Это одна из целей настоящей книги. Другая заключается в том, чтобы описать переход Кеннеди от войны к миру.

Я надеюсь, что, узнав все то, с чем пришлось столкнуться президенту США, мы будем готовы это принять.

История Джона Кеннеди — наша история, которую все эти годы так старались скрыть от нас. Она, как и то противостояние, которое лежит в ее основе, не менее актуальна, чем была в 1963 г. Теологическая теория оправданного насилия до сих пор правит миром. На смену холодной войне пришла ее сестра-близнец — война с терроризмом. Нас втянули в другую апокалиптическую битву с врагом, представляющимся нам абсолютным злом. Место врага занял Терроризм, сменив Коммунизм. Нам говорят, что мы можем быть в безопасности лишь в условиях угрозы роста насилия. Вновь на борьбу со злом выходит некая сила. Вновь мы видим упреждающие удары, пытки, свергнутые правительства, убийства. И все это во имя достижения окончательной победы над врагом, представляемым миру как неисправимое зло. Однако средством искупительной борьбы, использованным Джоном Кеннеди в подобном противостоянии, стал диалог с врагом. Все меняется, когда в противнике видишь человека.

Диалог, как способ урегулирования конфликта, при котором взаимоуважение побеждает страх, и таким образом желание воевать, вновь перешел в разряд еретических идей в нашей современной доминирующей политической теологии. Как результат поиск истины, а не стремление к победе над противником, может привести, как это было в случае с Кеннеди, к изоляции и смерти как изменника идеи. И этот «мученический венец», как сказал Дитрих Бонхеффер*, есть «плата

* Дитрих Бонхеффер (1906–1945) — немецкий лютеранский пастор, создатель Исповедальной церкви в Германии. Участник заговора про-

за следование за Христом». И нет лучшего повода для этого, чем возлюбить врага своего без сантиментов, но с уважением. Уважительное отношение означает признание права врага на свою правду, независимо от того, усложнит это или нет нашу жизнь. Подобное признание сильно осложнило жизнь Кеннеди и в итоге привело к его гибели, а мы остались с чувством ответственности за признание более чем очевидной правды о смерти Кеннеди.

Как показывают последние опросы, трое из четверых американцев полагают, что Кеннеди был убит в результате заговора. Факты уже долгое время указывают на наше собственное правительство. Но благодаря регулярным успешным отражениям атак Комиссией Уоррена, гипотезам об организованных преступных заговорах и обсуждениям непростого характера Кеннеди, мы в нашем обществе, где властвуют медиа, все это время плавали в темных водах неопределенности. Мы верим в то, что не сможем узнать... правду, основные моменты которой были озвучены еще первыми критиками работы Комиссии Уоррена. Не могла ли здесь крыться какая-то более глубокая причина нашего нежелания узнать правду?

А не кажется ли вам, что наша осторожность в вопросе выяснения правды об убийстве Кеннеди основана на страхе перед последствиями этой правды для него и для нас? Для Джона Кеннеди столь сильное стремление к выстраиванию диалога с нашими врагами оказалось фатальным. Если мы, как граждане страны, не хотим разобраться в этом важном историческом событии, то какой президент в XXI в. сможет найти в себе мужество, чтобы выступить против сильных мира сего и выбрать диалог вместо войны с сегодняшними врагами?

тив А. Гитлера, связной между В. Канарисом и политическими кругами в Великобритании. Казнен. Его теологические работы оказали большое влияние на развитие европейского богословия после Второй мировой войны. — *Прим. науч. ред.*

У читателя может возникнуть вопрос, почему так много внимания в книге об убийстве Джона Кеннеди уделяется монаху-созерцателю Томасу Мертону. Почему монах-траппист Томас Мертон стал моим Вергилием в этом паломничестве?

Несмотря на то, что данная книга представляет собой историко-биографическую реконструкцию, ее главная цель — погрузиться в историю намного глубже, чем мы обычно это делаем. Если, например, война — неизменная составляющая исторической реальности, то у человечества почти нет будущего. Эйнштейн сказал: «Высвобождение атомной энергии изменило все, кроме нашего сознания, и поэтому нас ждут невиданные катастрофы». Если мы не перестанем руководствоваться в наших мыслях (и действиях) стремлением решать вопросы военным путем, то человечество обречено. Томас Мертон снова и снова повторял это в самый разгар холодной войны, как и Мартин Лютер Кинг, и Джон Кеннеди. Вкладом созерцателя Томаса Мертона в непреложную истину нашего атомного века стала онтология отказа от насилия, гандистское видение реальности, способное изменить привычный для нас мир. Реальность шире, чем мы думаем. Созерцатель знает эту преобразующую истину из опыта.

Томас Мертон стал моим проводником в истории глубокого диалога, убийства и ожидаемого возрождения. И если Кеннеди — главный участник этой истории, то Мертон — ее первый очевидец и рефрен со своей уникальной концепцией, родившейся в монастыре на холмах Кентукки. С точки зрения истоков и развития это история-размышление. Благодаря вопросам Мертона и сделанным им выводам, опирающимся на независимое мнение ряда других наблюдателей, у нас есть возможность вернуться к истории Джона Кеннеди, холодной войны и трагедии в Далласе и совершить потрясающее путешествие в поисках истины. Реальность может быть шире, чем мы думаем.

Что представляет собой реальность, предполагающая возможность ненасильственного изменения? Я уверен, что история Джона Кеннеди и неизъяснимого — история изменения — предлагает оптимистичный ответ на данный вопрос.

Джим Дуглас
29 июля 2007 г.

ВВЕДЕНИЕ

Когда Джон Кеннеди был президентом, я учился в аспирантуре и пытался разобраться с теологическими аспектами того же вопроса, который он решал более конкретно в Белом доме: как нам выжить с таким смертельным оружием в условиях настроений холодной войны? В то время я рассуждал в статьях о путях предотвращения развязывания апокалиптической войны, не понимая того, что Кеннеди, рискуя очень многим, как президент ищет реальный выход для всех нас.

В тот важный исторический момент Томас Мертон был величайшим духовным автором своего поколения. Его автобиографию «Семярусная гора» (*The Seven Storey Mountain*) считали послевоенным аналогом «Исповеди Святого Августина» (*The Confessions of Saint Augustine*). Мертон написал также ряд классических работ о молитве. Однако, когда в начале 1960-х гг. он обратил свой взор к таким проблемам, как ядерная война и расизм, его читатели были шокированы, а в некоторых случаях восприняли это как призыв к действию.

Впервые я написал Томасу Мертоу в 1961 г. в его монастырь, в Аббатство Богоматери Гефсиманской в Кентукки, после прочтения стихотворения, опубликованного в газете *Catholic Worker*. Стихотворение Мертона представляло собой настоящую антипоэзию. Речь в нем шла от лица коменданта нацистского лагеря смерти, а называлось оно «Речовка для марша вокруг печей». Мертоновская «Речовка» как бы между прочим рассказывала об ежедневных актах геноцида, совершаемых главным героем, и заканчивалась словами: «Не считайте себя лучше, ведь вы испепеляете друзей и врагов ракетами большой дальности и никогда не видите того, что творите»¹.

Я прочел эти слова, когда на дворе был 1961 г. и над миром висела угроза ядерной катастрофы, а в душах людей царил

пустота. Реальность, лежавшая в основе риторики холодной войны, не поддавалась описанию. «Речовка» Мертона взорвала тишину. Неизъяснимое было произнесено величайшим духовным автором нашего времени. Я тут же написал ему.

Его ответ не заставил себя долго ждать. В письмах мы обсуждали необходимость отказа от насилия и опасность ядерной угрозы. На следующий год Мертон прислал мне копию рукописи своей работы «Мир в постхристианскую эру» (Peace in the Post-Christian Era). Церковное начальство запретило издание книги о войне и мире, которая, по его мнению, «шло вразрез со взглядами, исповедуемыми монахами», и тогда Мертон напечатал текст и разослал его по почте своим друзьям. «Мир в постхристианскую эру» стал пророческой книгой, направленной против тогдашнего общественного мнения, подталкивавшего правительство Соединенных Штатов к ядерной войне. В книге неоднократно повторялись опасения Мертона, что Соединенные Штаты нанесут превентивный удар по Советскому Союзу. Он писал: «Нет никакого сомнения в том, что на момент написания этих строк самым серьезным и крайне важным шагом в политике Соединенных Штатов является это неопределенное, но растущее убеждение в необходимости превентивного удара»².

Томас Мертон четко осознавал, что президент, который может решиться на такой роковой шаг, — его брат по католической вере, Джон Кеннеди. В число корреспондентов Мертона в то время входила невестка действующего президента Этель Кеннеди. Мертон поделился с Этель Кеннеди своей тревогой по поводу возможной войны и надеждой, что Джону Кеннеди хватит прозорливости и мужества, чтобы развернуть страну в мирном направлении. На протяжении нескольких месяцев, предшествовавших Карибскому кризису, Мертон страдал, молился, ощущал свое бессилие, но продолжал писать страстные антивоенные письма бесчисленным друзьям.

За 13 страшных дней с 16 по 28 октября 1962 г. президент Джон Кеннеди, как и опасался Томас Мертон, действительно поставил мир на порог ядерной войны, конечно, не без помощи советского лидера Никиты Хрущева. Благодаря Божия, однако, помогла Кеннеди воспротивиться давлению, толкавшему его к началу военных действий. Он договорился со своим коммунистическим врагом о разрешении ракетного кризиса путем взаимных уступок, некоторые из которых были сделаны без ведома президентских советников по вопросам национальной безопасности. Кеннеди, таким образом, отвернулся от Большого Зла и начал свое 13-месячное духовное путешествие к миру во всем мире. И это путешествие, полное противоречий, закончилось покушением на него со стороны того, что Томас Мертон назвал позже и в более широком контексте, неизъяснимым.

В 1962–1964 гг. я жил в Риме, изучал богословие и лоббировал на Втором Ватиканском соборе принятие заявления, осуждающего тотальную войну и поддерживающего отказ от воинской службы по убеждениям. Я почти ничего не знал о трудном духовном пути к миру, который пришлось пройти Джону Кеннеди. Но я действительно чувствовал, что между ним и папой римским Иоанном XXIII существовало согласие, как подтвердил позже журналист Норман Казинс. Познакомившись с Казинсом в Риме, я узнал о его челночной дипломатии в качестве тайного посредника между президентом, папой римским и советским лидером. Я не мог и предположить в те годы, что некие силы объединились и готовят убийство Кеннеди. А Томас Мертон мог, как показывает сделанное им странное пророчество.

В письме, написанном своему другу У. Ферри в январе 1962 г., Мертон дает отрицательную, но вместе с тем глубокую оценку личности Кеннеди: «Я почти не верю, что Кеннеди способен чего-то достичь. Я считаю, что он не может в полной

мере оценить масштаб стоящих задач и ему не хватает творческого воображения и более глубокой восприимчивости. Слишком велика его привязанность к таким понятиям, как *Время* и *Жизнь*, в чем, я полагаю, он ушел не дальше, скажем, Линкольна. То, что необходимо на самом деле, это не проницательность или профессионализм, а глубина, гуманность и в определенной степени полное самоотречение и сострадание, не только к отдельным лицам, но и к людям в целом, что представляет собой более глубокий уровень самоотверженности. Возможно, Кеннеди однажды каким-то чудом достигнет этого. Но таких людей чаще всего убивают»³.

Однако в скептическом взгляде Мертон на Кеннеди был и луч надежды, и возможное пророчество. Пока Соединенные Штаты все ближе и ближе подходили к краю пропасти под названием ядерная война, монах, несомненно, молился о маловероятном, но так необходимом всем нам преображении президента в более глубокую и человечную личность, которая, если это произойдет, отметит его печатью насильственной смерти. И мир считал его молитвы безнадежными. Но с точки зрения веры такую последовательность и следствие можно рассматривать как повод для торжества.

Стал ли Кеннеди чудесным образом более человечным в последовавшие 22 месяца?

Обрек ли он себя тем самым на смерть?

Джон Кеннеди вовсе не был святым. Не был он и апостолом ненасилия. Однако, как надлежит всем нам, он возвращался. *Teshuvah* («возвращение»), древнееврейское слово, означающее раскаяние, может служить описанием непродолжительного и противоречивого пути Кеннеди к миру. Он отвернулся от того, что могло стать самым большим злом в истории человечества, и обратился в сторону нового, более мирного варианта его и нашей жизни. По этой причине он оказался в смертельном противостоянии с неизъяснимым.

Понятие «неизъяснимое» Томас Мертон ввел в середине 1960-х гг. после покушения на Джона Кеннеди, в разгар вьетнамской войны, нарастающей гонки ядерных вооружений и череды убийств Малкольма Икса, Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди. За каждым из этих потрясающих душу событий Мертон видел зло, глубину и коварство которого, казалось, невозможно описать словами.

«Одним из ужасных фактов нашего века, — писал Мертон в 1965 г., — является то, что этот [мир] действительно страдает на всех уровнях бытия от присутствия неизъяснимого». Война во Вьетнаме, активная подготовка к мировой войне, взаимосвязанные убийства Джона Кеннеди, Малкольма Икса, Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди — все это было определенными знаками присутствия неизъяснимого. Оно и по сей день остается в глубинах нашего мира. Как предупреждал Мертон, «тот, кто сегодня жаждет согласия с миром, должен всеми силами избегать согласия с ним, *как с центром неизъяснимого*. Это то, что мало кто хочет замечать»⁴.

Когда мы делаемся более человечными в том смысле, как это понимал Мертон, сострадание заставляет нас выступать против неизъяснимого. Мертон указывал на своего рода системное зло, которое не поддается словесному описанию. Для Мертона неизъяснимое было, в основе своей, пустотой: «Это пустота, которая отрицает все, что произносится, еще до того, как слова будут сказаны; пустота, которая проникает в язык общественных и официальных деклараций в тот самый момент, когда они объявляются, придавая их звучанию мертвую пустоту бездны. Это пустота, в которой Эйхман* черпал истовую строгость своего смирения...»⁵.

* Эйхман Адольф (1906–1962) — нацистский преступник. В качестве офицера СС отвечал за «окончательное решение еврейского вопроса». После окончания Второй мировой войны бежал в Аргентину, где жил под именем Рикардо Клементя. ЦРУ знало о местонахож-

В нашей истории холодной войны неизъяснимое представляло собой пустоту в секретной доктрине «правдоподобного отрицания», утвержденной 18 июня 1948 г. директивой Совета национальной безопасности NSC 10/2⁶. ЦРУ под руководством Аллена Даллеса восприняло «правдоподобное отрицание» как зеленый свет для убийств руководителей государств, свержения правительств и лжи во избежание малейшей ответственности — все ради продвижения американских интересов и поддержания нашего ядерного доминирования над Советским Союзом и другими государствами⁷.

Я долго не мог разглядеть Неизъяснимое в убийстве Джона Кеннеди. На протяжении 30 лет со дня покушения я не видел связи между его убийством и теологией мира, которую я изучал. Хотя я с большим уважением относился к объяснению природы неизъяснимого, данному Мертоном, я не исследовал его последствий для полицейского государства, чьи принципы ядерной политики я отвергал. Я ничего не знал о «правдоподобном отрицании», неизъяснимом отсутствии ответственности в нашем полицейском государстве. Отсутствие ответственности у ЦРУ и прочих наших спецслужб, считавшееся необходимым условием для совершения тайных преступлений в целях защиты нашего ядерного лидерства, сделало возможным и убийство Джона Кеннеди, и его засекречивание. В то время как я писал и участвовал в мероприятиях, борясь с распространением ядерного оружия, которое могло уничтожить миллионы, от меня ускользал тот факт, что его существование, как основы безопасности нашего государства,

дении Эйхмана, однако не разглашало эти данные из опасений дискредитации ключевых фигур в политической элите Германии. В мае 1960 г. похищен израильской спецслужбой Моссад в Буэнос-Айресе и вывезен в Израиль. В декабре 1961 г. приговорен к смертной казни. Повешен в ночь с 31 мая на 1 июня 1962 г. — *Прим. науч. ред.*

является и причиной убийства президента, решившего встать на путь разоружения.

Проглядев глубокие изменения в жизни Кеннеди и силы, стоящие за его смертью, я тем самым содействовал созданию в стране атмосферы отрицания. Наше коллективное отрицание очевидного, а именно подготовки Освальда и его демонстративного устранения руками Руби, сделало возможным создание прикрытия для убийства в Далласе. Хорошее прикрытия стало необходимым условием и для последующих убийств Малкольма Икса, Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди теми же самыми силами, действовавшими в нашем правительстве — и в нас самих. Надежда на перемены в мире была взята на мушку и убита четырежды. Прикрытие всех четырех убийств, каждое из которых вело к следующему, было основано, в первую очередь, на отрицании и не правительством, а нами самими. Неизъяснимое рядом.

Убийство Мартина Лютера Кинга заставило меня очнуться. Когда убили Кинга, я уже был 30-летним профессором теологии в Гавайском университете. Я вел семинар под названием «Теология мира», в котором участвовали с десятком студентов. В тот день, когда убили доктора Кинга, несколько студентов опоздали на первое семинарское занятие. Войдя, они объявили, что в ответ на убийство Кинга, отдавшего свою жизнь за мир и справедливость, они провели в кампусе импровизированный митинг. При этом они сожгли свои повестки в армию, за что им могло грозить несколько лет тюрьмы. Они также заявили, что начинают формировать Гавайское сопротивление и спросили, не хочу ли я присоединиться к их группе. Это было дружественное приглашение, но со скрытым смыслом: «Займись делом или не говори ни слова, мистер профессор — сторонник ненасилия». Месяц спустя мы устроили сидячий пикет перед колонной грузовиков, везущих членов гавайской нацгвардии в Военный

учебный центр в джунглях Оаху перед отправкой в джунгли Вьетнама. Я провел две недели в тюрьме, что положило конец моей академической карьере. Члены Гавайского сопротивления отсидели от шести месяцев до двух лет в тюрьме за уклонение от мобилизации, а часть из них оказалась в изгнании в Швеции или Канаде.

Через 31 год я узнал намного больше об убийстве Кинга. Я присутствовал на единственном судебном заседании, когда-либо проводившемся по этому делу. Заседание проходило в Мемфисе, в нескольких кварталах от мотеля Lorraine, где был убит Кинг. За шесть недель в рамках судебного процесса по факту насильственной смерти, инициированного семьей Кинга, было опрошено 70 свидетелей. Из их рассказов складывалось описание тщательно продуманного правительственного заговора, в котором участвовали ФБР, ЦРУ, мемфисская полиция, представители мафии, группа снайперов армейского спецназа. Двенадцать присяжных заседателей, шесть черных и шесть белых, вернулись после двух с половиной часов обсуждения с вердиктом, что Кинг был убит в результате заговора, в котором участвовали в том числе и правительственные спецслужбы⁸.

В ходе изучения обстоятельств мученической смерти Мартина Лютера Кинга мои глаза открылись, и я увидел параллели в убийствах Джона Кеннеди, Малкольма Икса и Роберта Кеннеди. Я посетил Даллас, Чикаго, Нью-Йорк и ряд других городов и поговорил со свидетелями. Я изучил правительственные документы по каждому из этих дел. В конечном счете стало ясно, что все четыре истории — это четыре версии одной и той же темы. Все четверо — Джон Кеннеди, Малкольм, Мартин и Роберт Кеннеди — были сторонниками перемен, и все четверо были убиты секретными спецслужбами, использующими посредников и подставных лиц в условиях общего «правдоподобного отрицания». В основе этих

убийств лежало зловещее отсутствие какой-либо ответственности, чему Мертон дал определение неизъяснимого.

Неизъяснимое рядом. Оно не где-то там, похожее на правительство, ставшее нам чужим. Бессодержательность пустоты, полное отсутствие ответственности и сопереживания находится в нас самих. Наше гражданское отрицание служит основанием для правительственной доктрины «правдоподобного отрицания». Убийство Джона Кеннеди уходит корнями в отрицание преступлений нашего государства во Второй мировой войне, что положило начало холодной войне и гонке ядерных вооружений. Задолго до убийства Джона Кеннеди собственным полицейским государством мы, американские граждане, поддерживали наше правительство, когда оно уничтожало целые города (Гамбург, Дрезден, Токио, Хиросиму, Нагасаки), когда оно во имя нашей безопасности в период холодной войны демонстрировало оружие, способное уничтожить мир, а также когда оно инициировало ликвидацию руководителей иностранных государств, используя все то же «правдоподобное отрицание», что было очевидно для любого критически мыслящего наблюдателя. Отрицая ответственность за эскалацию преступлений государства, совершенных ради нашей безопасности, мы, не противостоявшие неизъяснимому, сделали возможным убийство Джона Кеннеди и создание соответствующего прикрития. Неизъяснимое рядом.

Именно человеческое сострадание привело Томаса Мертона к столкновению с неизъяснимым. Я люблю строки Мертона о сострадании в «Знаке Ионы» (The Sign of Jonas): «Именно в пустыне сострадания измученная жаждой земля превращается в источники воды, а бедные имеют все»⁹.

Сострадание — наш источник ненасильственного преобразования общества. Глубокое человеческое сострадание было неистощимым источником для Мертона в его схватке

с неизъяснимым в холокосте, войне во Вьетнаме и ядерном уничтожении. Понимание и поддержка Мертона помогли многим из нас выстоять, особенно в борьбе против войны во Вьетнаме. По мере того как усиливалось неприятие ужасов той войны у самого Мертона, крепло и его решение отправиться в паломничество на Восток для более серьезной борьбы. Он погиб от удара током при включении неисправного фена в конференц-центре в Бангкоке 10 декабря 1968 г. Так завершился его путь к более глубинному, более сострадательному гуманизму.

Иисус назвался «человеком», буквально «сын человеческий» (по-гречески *ho huios tou anthrōpou*)¹⁰. Самоидентификация Иисуса означала новую, сострадательную человечность, готовую любить своих врагов и идти на крест. Иисус снова и снова говорил своим ученикам о «человеке», имея в виду личный и коллективный гуманизм, который он отождествлял с собой. Невзирая на протесты его последователей, он говорил им неоднократно, что человек должен страдать. Человеку положено быть отвергнутым правителями, быть убитым и вновь воскреснуть¹¹. В этом и заключается торжество гуманизма. Как говорится в Евангелие от Иоанна: «пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

Что главное в Иисусе? Что главное в человеке, таящееся в глубинах его существа? Это способность отдать жизнь друг за друга. Являясь свидетелями жертвенности, которой Он учил, мы постигаем, что такое человечность во всей своей славе, на земле как на небе. Мученик, таким образом, это живой свидетель нашей новой гуманности.

Был ли Джон Кеннеди мучеником, тем, кто, несмотря на все противоречия, принес себя в жертву ради нового, более мирного гуманизма?

Такой вопрос не приходил мне в голову ни в момент гибели Кеннеди, ни три десятка лет спустя. Только сейчас, когда я знаю больше о духовном пути Джона Кеннеди, вопрос звучит так: действительно ли президент Соединенных Штатов, который мог начать тотальную ядерную войну, отказался от власти, чтобы отдать свою жизнь за мир?

Изучив историю Джона Кеннеди, сегодня я знаю намного больше, чем при его жизни, о той борьбе, которую он вел в поисках более перспективной политики, нежели холодная война, которая могла превратить в пепел Соединенные Штаты, Советский Союз и большую часть земного шара. Теперь я знаю, почему он стал столь опасен для тех, кто лоббировал и получал выгоду от проведения такой политики.

Но насколько сильно Кеннеди был готов рисковать?

Кеннеди не был наивным. Он понимал, какие силы ему противостоят. Можно ли вообще представить, что человек, облеченный такой властью, отказался от всего, чтобы положить конец холодной войне, зная, что в результате он, по выражению Мертона, будет отмечен печатью смерти?

Пусть читатель сам сделает вывод.

Я же расскажу историю настолько правдиво, насколько смогу. Я вижу в ней трансформирующее начало, с помощью которого наша коллективная история в XXI в. может сойти со спирали насилия и встать на путь мира. Моя методология заимствована у Ганди. Это эксперименты с истиной. Его истина — путь в царство тьмы. Если зайти туда как можно глубже, невзирая на возможные последствия, открывшаяся истина освободит нас от зависимости от насилия и выведет к свету мира.

Был ли Джон Кеннеди мучеником или не был, мы вряд ли узнали его историю, если бы не свидетели, рисковавшие ради правды. Даже если они и не заплатились жизнью, а о некоторых этого сказать нельзя, все они были мучениками в истинном смысле этого слова, свидетелями истины.

Главное убеждение, на котором построена эта книга, в том, что истина — самая могущественная сила на земле. Ганди называл это «сатьяграха» (*satyagraha*), т. е. «сила истины» или «сила души». Своими экспериментами с истиной Ганди перевернул теологию с ног на голову, говоря, что «истина — Бог». Все мы видим лишь часть истины, но можем исследовать ее более глубоко. Другая грань — это сострадание, наш ответ на страдание.

История Джона Кеннеди и неизъяснимого сложилась из страдания и сострадания многих свидетелей, которые видели истину и свидетельствовали о ней. Вытаскивая на свет эту истину, мы освобождаемся от неизъяснимого.